

G

умбольдт Александр-Фридрих-Генрих (Friedrich Wilhelm Heinrich Alexander Freiherr von Humboldt) (14 сентября 1769 – 6 мая 1859), немецкий естествоиспытатель, путешественник, почетный академик Петербургской АН.

В 1829 г. по приглашению императора Николая I и министра финансов Георга фон Канкринна совершил большое путешествие по России. Правительство финансировало задание – оценить горнопромышленный потенциал Урала и Алтая. В составе экспедиции Гумбольдта были профессор Розе (химик и минералог) и профессор Эренберг (ботаник и зоолог), которые совершили поездку по Уралу, Алтаю и к Каспийскому морю.

На территории Колывано-Воскресенского горного округа экспедиция была в июле-августе. Гумбольдт посетил Барнаул, Змеиногорск, Колыванскую шлифовальную фабрику, осмотрел Риддерский и Крюковский рудники и через Усть-Каменогорск и Бухтарминск проехал на Зыряновский рудник.

Статья «Переезды с Александром Гумбольдтом по Сибири» опубликована в 1865 г. в историко-литературном сборнике «Русский архив», выходящем в Москве (издатель-редактор П.И. Бартнев). В сборнике помещались в основном материалы по русской истории XVIII-XIX вв.: официальные документы, дневники, воспоминания, письма, неизвестные автографы писателей и т. п. Автор письма Ермолов – адъютант тобольского губернатора И.А. Вельяминова.

[ЕРМОЛОВ]

**ПЕРЕЕЗДЫ С АЛЕКСАНДРОМ ГУМБОЛЬДТОМ ПО СИБИРИ
(1829)
(Современное частное письмо)**

Вы, верно, были и видели, когда проезжал через Москву из Берлина известный барон Гумбольдт. По прибытии его в Тобольск я был послан встретить его от Ивана Александровича¹, спросить о здоровье и поздравить с благополучным приездом. Когда я исполнил долг мой, то барон, рекомендовав мне сопутствующих ему, доктора медицины г[осподина] Эренберга, профессора химии Розе и нашего горного чиновника Мен[ь]шинина, наговорил множество лестного относительно Ивана Александровича, а потом целый час расспрашивал меня о Сибири, жизни в Тобольске и проч., одним словом, я был очарован его любезностью и ласками. На другой день мы с генералом рано поехали к нему. Можете представить, как мог Гумбольдт встретить Ивана Александровича: в лестнейших выражениях благодарил генерала за все распоряжения его с самого въезда его в Сибирь, не забыв даже расхвалить и прескверные, от болотистого грунта, дороги наши в Тобольской губернии, короче сказать, все возможные учтивости употреблены были с обеих сторон при первом их свидании. Натурально, нам сейчас же заплатился визит наш. Тут счастливая мысль родилась во мне: ехать с бароном по Сибири. Не хочу уже описывать вам, как успел я в намерении моем, ибо это бы значило повторять давно уже вам известное и до сих пор еще неизменяемое, скажу только, что генерал мой, отобрав согласие барона, рекомендовал меня ему, и на другой день, т. е. 11-е (июля) я уже был в команде Гумбольдта. После обеда барон приглашен был генералом за город на чай; с высоты сей в 20 сажень правого берега Иртыша вид пространной равнины, по коей две широкие реки – Тобол и Иртыш, разливаясь несколькими рукавами, справедливо обращали на себя внимание Гумбольдта. Наконец, 12-е июля в 8 часов утра мы выехали из Тобольска. Погода была прекрасная; на первой станции барон замечал высоту места над морем. Днем Розе, Меншинин и я пересаживались с ним попеременно, а Эренберга сажал он с собой вечерами. На второй станции мы пообедали вовсе не по-русски: запивая вином легкий суп, несколько

¹ Вельяминова, тамошнего губернатора. Писавший это письмо, находился адъютантом при Вельяминове.

яиц и холодных жареных цыплят; здесь он наблюдал температуру воды, воздуха и высоту места, что и повторялось почти каждую станцию. 15-го числа рано утром приезжаем в г. Тару, а вскоре потом въехали мы в так называемую Барабу (Барабинскую степь); здесь должны были ехать по наидурнейшей бученой дороге, ибо большая часть сей огромной степи состоит из болот непроходимых, заросших высоким тростником, простирающихся верст на 50 по обеим сторонам оной. Барабинские татары, подвластные временами зюнгарам¹, киргизам, Кучуму и России, исстари обитали оную, а с 1767 года переведенные из России крестьяне составляют все настоящее и весьма малое население по большому и нашему теперь тракту Барабинской степи. 16-го ночью мы приехали в г. Каинск, Томской губ., замечательный только по крепостце, построенной еще в XVII веке от набегов киргизов русским правительством, которой, впрочем, теперь и следов уже не осталось.

Здесь мы услышали о свирепствующей, по предстоящему нам пути, сибирской язве на лошадях и людей, причину коей некоторые приписывают ужалению доселе неизвестного насекомого, а иные испарениям во время сильных жаров, выходящим из здешних огромных болот и стоячих озер, бесчисленных по Сибири. Язва сия обнаруживается сначала в виде вереда с черным стержнем, а следуемая за сим с опухолью мучительнейшая боль сердца (по словам поселян) по двухдневном страдании прекращает существование зараженного. Немногие излечиваются простейшими средствами, удающимися местным врачам их. Несмотря на уверения, что язва сия не заразительна, мы так перетрусились, что хотели было воротиться, но к счастью дух наш не упал еще совершенно, и мы решились пуститься далее, взяв с собой боченки воды и столовый запас весь, дабы не иметь совершенно никакого сообщения с зараженными жителями, а следственно, должны были и не выходить из закрытых экипажей наших. На другой день утром мы уже были среди объятого сею язвою пространства: стоны страдальцев, вопли ближних их и всеобщее уныние находили мы в каждом почти селении, иногда в самых больших из них случалось, что насилиу могли набрать нам 20 лошадей из оставшихся от падежа.

Наше положение не менее требовало соблезнования: кроме того, что мы должны были быть свидетелями всех ужасов сибирской язвы, нам надо было еще в самые сильные жары (кои здесь на севере несравненно еще ощутительнее) окутывать всю голову употребляемыми в Сибири сетками от неимоверного множества комаров и мошек, и переносить, таким

¹ Джунгарам. (Ред.)

образом, всю несносность жаров и пыли, не выходя из полузакрытого экипажа. Наконец, 19-го мы увидели свет, вышедши обедать на чистый воздух и с сих пор не слышали уже более об ужасном поветрии.

Взбунтовавшаяся Обь, в 15 верстах не доезжая Барнаула, принудила нас в сырую погоду, на голом берегу своем, греясь около разложенных костров, целые сутки ожидать возможности попасть на противоположный, правый берег ее. 21-го приезжаем рано утром в Барнаул, один из красивейших и замечательных городов Западной Сибири, расположенный в весьма приятной местности при соединении [рр.] Барнаулки и Оби. Здесь Главное управление всего Колывано-Воскресенского горного округа, много красивых казенных и купеческих каменных строений, улицы широки и правильны, некоторые с бульварами; по всем оным, равно как и по большим дорогам верст на 10 от города, устроено шоссе из *шлаку*, остающегося от плавки серебра на здешнем заводе. Отдохнув несколько часов на квартирах, барон, Мен[ь]шинин и я, а за нами профессора, едем к начальнику всех Колыванских заводов и вместе томскому гражданскому губернатору *г-ну Фролову*, живущему постоянно здесь. Взойдя в новый каменный дву[х]этажный дом его, барон удивился прекрасному, в новейшем вкусе внутреннему расположению и убранству одного, не ожидая, конечно, вовсе найти сего в Барнауле, за 5 т[ысяч] верст от столицы: везде парке[т], на стенах славнейшие картины и, между прочим, единственный кабинет китайских вещей. Сам Фролов был в Томске и нас встретила его супруга... От нее мы поехали смотреть здешний музей в небольшом каменном доме: коллекции четвероногих, птиц и насекомых довольно полны, особливо собственно Сибири принадлежащие, весьма интересны и долго обращали на себя внимание Гумбольдта и Эренберга, но, к сожалению, не в отличном присмотре. Собрание, хотя неполные, но гораздо любопытнейшие модели рудников, их разработок, с показанием месторождения оруденелых в оных пород, разных промывален и других машин горного промысла; прекрасное, но неполное весьма и также худо содержимое собрание костюмов, идолов, оружия и разного рода утвари многих древних и настоящих кочующих диких северных народов Сибири. Кроме собственных замечаний, у меня есть описание сего музея или лучше замечательнейших в оном вещей. Минеральный кабинет здесь большею частью состоит из оруденелых здешних, т. е. Колыванского округа пород; цветные же камни почти все екатеринбургские, ибо здесь оные не выламываются, а восточных весьма немного, и весь кабинет еще не приведен в должный

систематический порядок. Надо не забыть, что большая часть моделей и чучел работаны здесь и весьма недурно, и все попечением г-на Фролова. После обеда он, приехав из Томска, ту же минуту явился к нам. С ним мы пошли на Барнаульский сереброплавильный завод. Прекрасная заводская плотина, по коей устроено шоссе; на середине оной саженях на 80, если не больше, каменное здание завода, с таким же флигелем для машины, которою посредством воды р. Барнаулки приводится оный в действие. С обеих сторон завода при сходе с плотины, прекрасные гранитные с чугунной решеткой ворота, от коих по обеим сторонам устроены несколькими фонтанами два спуска запруженной воды и по бокам коих красивые цветники окружены чугунными решетками, подобными как около Михайловского замка¹. Вправо от завода, посреди площади, в воспоминание начала оногo, воздвигается гранитная пирамида², подобная памятнику победам Румянцева на Васильевском острове, в Петербурге. Прекрасной наружности гошпиталь, казармы заводских служителей, церковь и решетки завода окружают сию красивую площадь. На другой день мы и все здесь горные чиновники обедали у Фролова, и пили здоровье барона, после чего хозяин показывал нам китайский кабинет свой: стены и мебель обиты прекрасною китайскою материей, вроде штофа, на полах разсланы ковры, коих узоры и разнообразие цветов в полной силе выражали вкус сего народа. Несколько шкафов, в коих заключалось, мне кажется, все, что можно было найти любопытного в сем роде даже и в самом Пекине: идолы, куклы, оружие, всевозможная утварь домашнего хозяйства, костюмы, разного рода картины, астрономические и географические карты, множество книг и рукописей ман[ьч]журского и монгольского языков и проч., проч. наполняли сию прелестную коллекцию. Одним словом, деятельный ум и вкус г[осподи]-на Фролова встречаешь на каждом шагу в Барнауле.

Проехав 100 верст далее, верстах в 150 от дороги, завиднелись первые высоты Алтайского хребта. Долго восхищался я, видя еще в первый раз оные. 25-го рано утром новые картины перед нами: в несколько десятков сажен высоту, груды нагроможденных страшных гранитных масс со всех сторон ограждали известное Колыванское озеро; а в полдень приехали мы в древнейший на Алтайских горах Змеиногорский рудник, известный содержанием своим еще гораздо прежде 1745 года, когда все рудники и заводы А.Н. Демидова взяты были в казну. Положение оногo

¹ В Петербурге.

² Обелиск 100-летия горного дела на Алтае, т. е. Демидовский столп. (Ред.)

на обширной долине, в центре двух параллельных хребтов, оную окружающих. Сей час после обеда мы надели рудную одежду и с фонарями спустились в шахту на 60 сажен ниже горизонта, по весьма неверным лесенкам и ходили в оной до самой ночи, наблюдая месторождение, широту, толстоту, падение, свойства и разработку оруденелой жилы. Сия последняя производится одними заводскими крестьянами посредством пороха, как вам уже описывать, думаю, было бы излишнее. Теперешнее содержание в последние 20 лет рудника сего, по словам горных чиновников, весьма обеднело и дает с пуда руды $1\frac{1}{2}$ и 2 золотника чистого серебра. Все породы сего рудника я имею и с их описанием.

26-го поутру мы поехали на Колывано-Воскресенскую шлифовальную фабрику на сибирских дрогах, ибо надо было проезжать по ущельям гранитных и порфириных гор, покрытых густым березовым и пихтовым лесом, так что 40 верст мы ехали более 6 часов. Колоссальные груды гранитных масс, возвышаясь из середины густых лесов, представляли на каждом шагу разнообразные и всегда очаровательнейшие картины. Фабрика сия стоит неподалеку от порфириного памятника, воздвигнутого Фроловым на том самом месте, где прежде был, уже теперь несуществующий, первейший в этом краю серебряный и медный завод, построенный А.Н. Демидовым. Первая медная руда в Алтайском хребте открыта была близ Колыванского озера в воскресенье 1727 года, почему и назван сей завод, а впоследствии и весь горный округ здешнего края, Колывано-Воскресенским. Из выламываемых в окрестностях порфиринов и яшм (главнейшие из них я имею) на здешней гранильной фабрике выделываются разные украшения царских палат, из коих удивляли самого Гумбольдта и нас вазы: из яшмы в 7 аршин в диаметре и в 4 аршина в диаметре из красной яшмы (стоит казне 15 000 рублей и работается 7 лет), 16 порфириных колонн, из коих каждая стоит в работе по 7 000 рублей и проч. Здесь также огромная коллекция порфиринов и яшм.

После обеда мы снова приезжаем в Змеиногорский рудник, в коем также построен завод для плавки серебра и чугуна из рудника в оный дорога, по коей одна лошадь в один раз привозит более 500 пудов руды, с большим трудом везя обратно пустую сию телегу. Во всем округе из 3 500 000 пуд. руды добывается 1 000 пуд. чистого серебра, а 500 пудов оно же сгорает при самой выплавке.

Проехав верст 150 от Змеиногорска, дорога идет около высочайших и почти перпендикулярных, самую природою отполированных стен, из шифера состоящих. 29-го ввечеру приезжаем в Риддерский рудник;

оний с большим населением при нем работающих заводских крестьян, стоит на долине, имеющей более 15 верст в диаметре и окруженной со всех сторон Тигирецкими горами, высочайшими из всех хребтов Мало-го Алтая. Здесь отвели нам у крестьян 4 дрянные конурки и, не обедавши целый день, уже в 10 часов вечера у управляющего изготовили нам ужин-обед, и мы в присутствии его жены и нескольких толстых сестриц ее, забыв все немецкое жеманство (ибо голод – не тетка), убирали все, что попадалось нам, за обе щеки. На другой день все мы почти целое утро ходили по подземным галереям сего и близлежащего Крюковского рудников. Из недр Риддерского с 1 пуда руды добывается 8 фунтов свинца и $1\frac{1}{2}$ золотника серебра, а из Крюковского с 1 пуда руды – $4\frac{1}{2}$ золотн[ика] серебра, так что в целый год первый дает 45, а второй – 380 пудов чистого серебра. Вершины окружающих гор, покрытые вечными снегами, представляют виды здесь единственные; прямо пред окнами квартиры моей возвышался над облаками Ивановский белок¹, имеющий, по новейшим измерениям, в перпендикуляре 7 500 ф[утов] высоты. Потом мы осмотрели здешнюю промывальню золота о 12 толчеях; оное в весьма бедном содержании, добывается в том же руднике из оруденелого кварца. Перед вечером я и Мен[ь]шинин поехали верхом верст за 10 видеть текущую с белков р. Громотуху, которая в ужасном падении своем несет огромные массы разных пород. За 2 версты слышен шум ее, почему и дано ей приличное наименование Громотухи. Здесь, по лесистым основаниям гор сих, мелькали нередко перед глазами дикие козы и медведи; огромные леса состоят более из высочайших пихт, сосен, берез, сребристых и простых тополей (сребристые тополи здесь называются осинами).

1-го августа мы – в Усть-Каменогорской крепости. Она, для соседства с киргизами, а равно и самый город, для окружного сибирского, довольно порядочен строениями, стоит на Иртыше и на Иртышской линии казаков, составлявшей границу с Киргизскою степью Средней Орды, окружен невысокими посреди голых степей сопками; жители производят торг чрез киргизов с китайцами. Но как мы приехали на линию не во время караванов, я достал из азиатских товаров только два китайских компаса, пречисто отделанные с ман[ьч]журским надписанием всех стран и ветров, один из них подарил барону, натурально, как

---

¹ Белкáми называются здесь все горы, покрытые снегом, а сопками именуются отдельные горы меньшей высоты, а не огнедышущие или погасшие вулканы, таковые есть, только далеко восточнее здешних хребтов.

вещь интересную, что весьма его обрадовало. Здесь, в доме купца, мы имели обед довольно пышный по краю, и с шампанским другие европейские вина. Здесь, узнав, праздновали взятие Силистрии¹. На другой день мы, оставив наши экипажи, поехали в Бухтарминскую крепость. Дорога здесь ущельями высоких гор узкая, подобно переезду за Кавказ: целые 2-е суток ехали мы сии 100 верст гусем² и шагом. Бухтарминская крепость замечательна своими живописными окрестностями, и как последняя на пределах России. Здесь входил я в юрты кочующих киргизов: юрта или кибитка их состоит из тростникового щита, служащего вместо стен, на коих деревянными прутьями поддерживается железный наверху круг, все кроме онаго покрывается кошмою, а круг сей служит окном и закрывается только во время ненастья; натурально, что тогда в юрте можно только играть в жмурки. Вообще оба пола народа сего нечистоплотны до высочайшей степени. Черные волосы и глаза, большие высунувшиеся скулы с широким носом и узкие челюсти суть отличительные черты наружности киргизцов. Прекрасный пол их заплетает все на голове волосы в бесчисленное множество маленьких кос, а в среднем между ноздрей хрящу носа продевает медное кольцо, на коем почти до бороды висит перламутровая дощечка, и сие почитается главнейшим из всех украшений прекрасного пола; кругом же запачканной одежды наклеплены без разбора тысячи пуговиц и разных других побрякушек из серебра, меди и железа. На 2-й версте от Бухтармы, при подошве горы – пещера, имевшая надпись при входе своем какого-то восточного языка; сколько ни раздражалось любопытство Гумбольдта, но ничего о ней разыскать было невозможно, так же как и о многих в краю сем развалинах и копиях чудских. В эту ночь мы проехали прииск, где находили в 1828 г. самородки чистого серебра по 33 фунта из 1 пуда, т. е. 7 только фунтов сгорало; а настоящее содержание оног обыкновенно 8 золотников с 1 пуда руды. На другой день приезжаем в Зыряновский рудник, богатейший в целом Кольвано-Воскресенском округе. Поутру мы взошли в штольню на 160 сажен: толстота оруденелой жилы в 3, а ширина – в 11 сажен; самое богатое содержание оной в 30 саженьях ниже горизонта, а мы спускались по шахте на 45 саж[ен], и до 50-ти еще производилась разработка. Прошлого года рудник сей дал 500 пудов чистого серебра, а нынешний – 480 пуд. чист[ого] сер[ебра].

¹ В ходе русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Силистра (Силистрия) – болгарский город на правом берегу Дуная. (Ред.)

² То же, что гуськом. (Ред.)

5-го августа, рано утром, мы оставили последний форпост Российской империи на границе Китая и, переехав р. Нарым, почти при устье его в Иртыш, мы уже в китайских владениях. 70 верст ехали мы правым берегом Иртыша (монголами называемого Ирцзыт); налево [от] нас большой гранитный хребет идет вдоль всего берега Иртыша. Дорогой встречали мы несколько раз китайцев и монголов и когда, останавливаясь, приглашали их пить с нами чай или покурить нашего табаку, то они никак не хотели, и так оробели, увидев в своих владениях такое множество людей и экипажей вовсе им незнакомых, и к тому же конвой казаков с флюгерами их, что пустились от нас во всю прыть. В час мы приезжаем на китайский форпост Хонемайле-ху (по-китайски значит «переправа через реку», посему и казаки наши называют его Боты), по-киргизски – Каштобе, от соединения двух сопок на противоположных берегах реки. Весь форпост сей, состоящий из нескольких юрт (в коих помещаются по правому берегу Иртыша 40 человек монголов и один офицер, настоящий китаец), принадлежит провинции Хабды¹; другой из 40 же (по левому берегу Иртыша) человек, из коих много природных китайцев, и одного офицера ман[ьч]журского происхождения, принадлежит провинции Или. Все вообще здесь виденные нами китайцы и ман[ьч]журы разнятся от монголов тем, что первые имеют глаза черные большие и лица правильнее, тогда как у последних на калмыцком лице маленькие черные же глаза. Все же вообще смугловаты, с хорошим сложением, с желтыми высывающимися из рта редкими и неровными зубами и с лоснящимися рожами. Разумеется, за несколько дней они знали и дозволили проезд наш. Сей час по приезде, барон послал спросить у старшего из двух ноионов (офицеров), мы ли должны придти к ним, или они захотят придти к нам прежде? Г[осподи]н ноион был так невежлив, что прислал сказать барону через переводчика: «Хотя он весьма верит, что приехали особы весьма важные, но если уже приехали к ним, то кто бы они ни были, должны первые сделать визит китайцам, как хозяевам». И мы все пошли к хобдинскому ноиону, как к старшему. Ноион Чин-фу (Чин-фу – имя) прекрасной наружности мужчина лет 30-ти, встретил нас у входа юрты своей и, хотя он показывал пальцами в глаза нам, спрашивая у переводчика, который из них старше, но вообще казался человеком с некоторым образованием, какого можно было ожидать от китайца. Он недавно приехал из Пекина; прекрасный костюм его заключался в шапке с поднятыми на-

¹ По-видимому, Хобдо. (Ред.)

верх, плисом обшитыми полями, на верху тульи голубой стеклянный шар (цвет коего отличает степени чинов), а под оным сзади – пук павлиньих перьев, отличающих ноионов от низшего сословия; длинный, вроде архалука, из голубой канчи кафтан, сверх коего из материи вроде камлота, отлично ловко сшитый, синий полукафтан; выбритая, кроме самой маковки, голова, откуда заплетенная, густая и всегда черная коса опускается ниже половины всего стана; широкие из фанзы шаровары и черные, с деревянною, белой краской выкрашенной и в вершок толщины подошвой, сапоги. Юрта его, подобная киргизской, так была внутри чисто убрана, как почти никогда не найдешь в лагерной палатке русского офицера. На широком помосте (вместо дивана), покрытом ковром, в порядке лежали его костюм и вся столовая чайная утварь, а возле, на таком же помосте, вроде комода, также покрытом, лежали его бумаги и книги. При входе нашем барон и провожающий нас по линии генерал Литвинов посажены были им вместе с собою на диван, а вся челядь миссии, т. е. мы и множество монголов во все время аудиенции стояли. Я служил переводчиком с французского языка на русский, а казакский урядник, учившийся в Омском войсковом училище восточным языкам, переводил с русского на монгольский. После нескольких с обеих сторон приветствий в самых лестных выражениях, Чин-фу спрашивал, зачем приехал сюда барон, в каком городе живет Российский император, и, между прочим, спрашивает у Литвинова, знает ли он, что наши казаки ловят у них рыбу? Надобно знать, что в верхнем Иртыше добываются самые лучшие стерляди, нельмы, осетры и проч. рыба; китайцы страшные охотники кушать оную, но до того несведущи, что до сих пор не достигли искусства премудрого ловить оную. Моряки они равно искусные, и казаки линейные, пользуясь оным, за ничтожный какой-нибудь подарок, заключающийся в нескольких рыбах или подобном, производят ловлю оную по всему, за Норд-Зайсаном (озеро, которое протекает Иртыш) верхнему Иртышу, без малейшего от китайцев препятствия. Можете заключить о них еще из того, когда во время сильных жаров Хонемайле-хуские форпосты уходят в горы, то живущим временами для рыбалки нашим казакам отдают на время отсутствия весь багаж и самое свое оружие, предназначенное для охранения границ их с Россиею. Попросивши ноиона прийти к нам (у нас тоже поставлены были две киргизские юрты), мы отправились за реку ко второму ноиону, ман[ьч]журцу. Сей, старший первого летами и чином, любезностью своей, наружностью, костюмом и образованием далеко был ниже пер-

вого, и барон, не желая звать его к себе, подарил ему здесь кусок красного плису. Отсюда мы входили в больницу их, мазанку в 4 аршина в квадрате; на стене оной прибито изображение наверху богдыхана, их императора, несколько богов, перед коими стояла курильница и все распещрено без порядка развешанными лоскутками разноцветных бумажек. Вне оной – место для всех поклонников и жертвенник, где они приносят в жертву живого быка, барана и т. п. После обеда пришел к нам Чин-фу с премножеством свиты запачканных своих монголов, кои все втеснились в юрту нашу; здесь все мы без разбора, поджавши ноги, сидели на полу, разговор был подобный первому. Здесь, взятым с нами шампанским вином, мы пили здоровье китайского императора, нашего государя, прусского короля, ноиона Чин-фу и нас; сколько оный церемонился пить много, столько свита его нарезалась, высушивая беспрестанно стаканы всякого даваемого им винного сброда. Барон подарил Чин-фу кусок темно-синего сукна, а он отдарил историею Александра Македонского на ман[ьч]журском языке. Я ему дал картуз петербургского табаку, да другой такой же раскурили он и глупые его монголы. За то я имею чашку, ножик с вилками, трубку китайскую. После того я садился и ездил на верблюде ноиона, приведенном из середины Китая и чуть не упал, когда он подымался. Итак, вот вам нечто об китайском форпосте. Отсюда, выехав с полверсты, т. е. из виду их, барон делал наблюдение склонению магнитной стрелки и астрономически определял долготу и широту места, что и повторялось везде, где останавливались мы на несколько часов. Несмотря на 49° широты, погода теперь стояла довольно холодная.

Дабы миновать прежнюю по горам дорогу, мы из Бухтармы пустились по Иртышу до Усть-Каменогорска и в 10 часов проехали 120 верст. А там, сев в экипажи наши, 9-го приезжаем в *Семипалатинск*; развалины семи палат около онаго не могли, однако, удовлетворить любопытству барона, и, думаю, самое название города, происходит не от семи палат сих, а есть татарское слово, неизвестно что означающее, ибо здесь за Иртышем *Семитавский* хребет, далее озеро *Семирек* и т. д. Город сей замечателен, как первейший по торговле своей в здешнем краю с киргизцами, ташкентцами и разными сопредельными им народами; одним словом, бездну азиатских различных совершенно поколений встречаем по довольно обширному Семипалатинску. Выехав 10-го, мы обедали в 6 верст[ах] от города на даче, довольно порядочной в здешнем краю, купца Попова. Здесь у него кожевенный и сальный заводы, в саду мно-

жество китайских растений. На дворе, совершенно отличной конструкции от обыкновенных, китайские свиньи, черные мохнатые с лошадиным хвостом коровы, ташкентский баран, коего рога весьма похожи на дамский ток, кошки и проч. занимали до безумия нашего Эренберга; он измерял и описывал их до самого вечера. Сей господин до того углублен в предмет свой, что столько раз пропадал у нас; теперь казаки верхами нашли его по колено в болоте, в одном фраке, весь измокший, окруженный казаками верхами, приходит пешком в замоченном летнем костюме с шапкою одною на голове на меху: в одной руке целый пук трав, а в другой красный мох, здесь им найденный, и коим покрыто дно Черного моря, как говорил сей г[осподин] Эренберг, от чего и название свое получило. Эренберг был в Египте.

15-го – мы в Омске. Здесь барон со мной ездил смотреть все заведения ген[ерала] Капцевича. В войсковом училище приняли барона с большим казачьим оркестром музыки и певчими, несколько воспитанников говорили приличные речи на русском, монгольском и татарском языках. Потом Гумбольдт, осматривая библиотеку и классы, взял в воспоминание несколько ситуационных планов, картин, экземпляров рукописей восточных, здесь преподаваемых языков, одним словом был весьма доволен Омском нашим, с прелестными дочерьми генерал-лейтенанта Де Сент-Лорана.

В первой крепости Оренбургской губернии в 2 часа ночи барон нарочно остановился закусить и дабы пробыть со мною еще несколько часов, ибо отсюда, как уже от границы власти Ивана Александровича, я должен был воротиться в Тобольск.

Лишнее бы было вам описывать все ласки, кои оказывал мне барон в продолжение 1¹/₂ месяца, и признаюсь, я готов был с ним ехать, хотя кругом целого света.

Окончено в Тобольске
1829, сентября 10 дня.

[Ермолов]. Переезды с Александром Гумбольдтом по Сибири (1829): (современное частное письмо) // Русский архив / издаваемый при Чертовской библиотеке. М[осква]: в типографии В. Грачева и Комп., 1865. № 8. Стб. 1011-1030.

